

Религиоведение. 2025. № 3. С. 91–97.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 3. P. 91–97.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-3-91-97

Головнева Е.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
e.golovneva@spbu.ru

«Карта религий СССР» и визуализация религиозных групп (1920–1930-е гг.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема визуализации религиозных групп в СССР в рамках развития отечественных религиоведческих и этнографических исследований в 1920–1930-х гг. Особое внимание уделяется разработке методов визуальных исследований религии, осуществляемых в процессе работы группы ленинградских и московских учёных над составлением «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок», так называемой «карты религий СССР». Показано, что деятельность научной группы по изучению религии под руководством Н.М. Маторина в 1920–1930-х гг. включала в себя не только комплексное и сравнительное изучение религий в СССР, их подробное картографирование («карта религий СССР»), но и методологические вопросы визуализации «живых религий», распространения визуальных репрезентаций в музейной и выставочной деятельности, театральных постановках и печати. Эта деятельность опиралась, в том числе, на длительную краеведческую работу и широкий охват материала. В союзе с кинематографистами учёными осуществлялись этнографические экспедиции, происходила передача существенных исследовательских навыков и ценностей, проводились научно-теоретические поиски в сфере производства и популяризации знания о положении религиозных групп. Эти уникальные материалы о положении религиозных групп в СССР в 1920–1930-х гг., кроме прочего, позволяли создавать антирелигиозные фильмы.

Ключевые слова: история науки, отечественное религиоведение, визуальная этнография, советская идеология, антирелигиозная пропаганда в СССР, «карта религий», визуализация религий, Н.М. Маторин

Elena V. Golovneva

St. Petersburg State University
1/3 Smolny St., St. Petersburg, 191124, Russia
e.golovneva@spbu.ru

“Map of Religions in the USSR” and Visualization of Religious Groups (1920–1930s)

Abstract. The article examines the problem of visualizing religious groups in the USSR within the context of the development of religious studies and ethnographic research during the 1920–1930s. Particular attention is paid to the development of methods of the visual study of religion, which was carried out by a group of scientists from Leningrad and Moscow in the process of creating a Systematic Indication of Faiths and Antireligious Groups. This so-called “map of religion in the USSR” is shown to have been the result of their work. It is demonstrated that the scientific group's activities on studying religion under the direction of N.M. Matorin during this period included not only comprehensive and comparative studies of religions in the country, but also methodological questions regarding the visualization of “living religions”, as well as disseminating visual representations through museum and exhibition events, theatrical productions, and the press. Matorin's work on the visualization of religions relied on long-term regional studies and rich ethnographic materials. In collaboration with filmmakers, scientists conducted ethnographic expeditions and transferred significant research skills and knowledge. They conducted scientific and theoretical research in the field of producing and popularizing knowledge about the situations of religious groups. This unique material on the situation of these groups in the USSR during the 1920s and 30s made it possible for them to create anti-religious films, among other things.

Key words: history of science, national religious studies, visual ethnography, Soviet ideology, anti-religious propaganda in the USSR, “map of religions”, visualization of religions, N.M. Matorin

Время «культурной революции» в СССР, обозначаемое также как «период социалистической реконструкции», было связано с появлением масштабных идеологических проектов, направленных на изменение культурных практик, утверждение новых моральных установок и антирелигиозного мировоззрения. Одним из таких значимых проектов стало создание в 1920–1930-х гг. «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок», известного как «карта религий СССР» [Чумакова, 2012]. Работа над этим проектом стала органичной частью, с одной стороны, процесса институционализации науки о религии на основе марксистского подхода в 1920–1930-х гг., с другой стороны, – развёртывания безбожного движения, получившего развитие после выхода статьи В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922) и резолюции «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» (1923). Идейным вдохновителем многих религиозно-исследовательских исследований в это время был Союз воинствующих безбожников, в рамках которого знание о религии превращалось в мощный инструмент антирелигиозной пропаганды.

Актуальность обращения к этому проекту на современном этапе объясняется тем, что «карта религий СССР» пока ещё не осмыслена в должной степени в религиозно-исследовательской и этнографической литературе. В частности, «карта религий» не рассматривалась в аспекте роли «визуальной политики» в реализации (анти)религиозных программ. Между тем, этот проект предполагал решение довольно важной задачи – систематизацию сведений о религиозных группах в СССР и разработку методики антирелигиозной пропаганды на территории всего Союза. Проект основывался на результатах кропотливой долговременной работы по изучению религиозной ситуации в стране, проводившейся советскими учёными-этнографами и религиоведами с начала 1920-х годов. Академическим сообществом этнографов ставилась цель по изучению религиозного мировоззрения, в связи с производственно-бытовыми условиями и в зависимости от социальной дифференциации населения СССР.

Для визуальной антропологии обращение к этим материалам столетней давности представляет особый исследовательский интерес. Они показывают, что в рамках подготовки «карты религий СССР» её разработчиками впервые в советской этнографии была обозначена проблематика и методология визуализации религий. Анализ имеющихся тематических материалов свидетельствует, что вопросы картографирования, фото- и кинофиксации религиозных групп и популяризации религии занимали важное место при составлении «карты религий СССР» и явились значимым этапом в развитии отечественных визуально-антропологических исследований в целом.

«Карта религий в СССР» (конец 1920–1930-х гг.)

В период «культурной революции» религиоведами осуществлялась активная деятельность по составлению «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок», так называемой «карты религии СССР». К участию над составлением религиозно-бытовой карты СССР были привлечены сотрудники Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС), а также специалисты Музея истории религии АН СССР. Кроме того, в этой работе принимали активное участие также сотрудники Академии наук СССР и Государственной Академии материальной культуры (ГАИМК). Картографирование религиозных групп по районам СССР проводилось на основе детально спланированной экспедиционной (полевой) и архивной работы, а полученные в ходе антирелигиозных экспедиций материалы должны были стать важным этапом подготовки к Всесоюзной переписи населения 1937 года [Чумакова, 2012].

В работе над составлением «карты религии СССР» оказались задействованы специалисты с разными методологическими установками. Часть из них придерживалась идей активной агитационной работы, часть – стремилась к расширению научно-просветительской деятельности, к разработке методологических принципов изучения религиозных верований, использованию в качестве научного метода приёма картографирования. Не случайно, в ходе проведения религиозно-исследовательских исследований в среде самих научных работников, занимавшихся изучением религиозного

состояния в СССР, сформировались две группы: одни стремились изучать религию (Н. Маторин, А. Лукачевский, В. Бонч-Бруевич и др.), другие (Ф. Путинцев, И. Элиашевич, Е. Ярославский и др.) – её яростно критиковали.

К первой группе исследователей относился, в частности, Николай Михайлович Маторин (1898–1936) – директор Музея антропологии и этнографии (с 1930 г.), один из разработчиков «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок» и сторонник комплексного изучения религии. Творчество этого исследователя, погибшего в репрессиях 1930-х гг., до сих недостаточно изучено в отечественной науке. Между тем, именно Н.М. Маторину принадлежит заслуга в организации советского религиоведения – как в плане разработки его организационно-пропагандистских аспектов, так и в области создания образовательных программ и проведения полевых исследований.

Прежде всего, Н.М. Маторин отстаивал необходимость составления программ для изучения религиозных верований и отмечал важность научно-исследовательской разработки методов для исследования различных конфессий. По его мнению, изучение локальных бытовых особенностей религиозных групп невозможно без исследования общих проблем истории религии [Маторин, 1934, 28]. В этой связи, солидаризируясь с известным учёным-североведом В.Г. Богоразом, особое внимание Маторин предлагал уделить краеведческому изучению религии и дифференцированно изучать истоки религиозности. Среди антирелигиозников обсуждалась и идея приспособления форм и содержания пропаганды к особенностям каждой национальности, а для этого необходимо было представлять и изучать вариативность религиозного мировоззрения в СССР.

В 1928 году в Ленинграде Н.М. Маториным была организована научно-исследовательская группа (секция) по изучению форм повседневной религиозности. Задачей этой группы, как указывалось в положении о ней, являлось изучение истории и современного состояния «пережиточных культов», относящихся к родовому и феодальному обществу, в масштабе всего Союза. Предполагалось изучение явлений синкретизма, представляющих собой результат «скрещения» остатков дохристианских, доисламских и доламаистских культов с религиями более сложных систем, а также изучение процессов отмирания этих религиозных культов, в связи с процессами социалистического строительства и культурной революции в СССР [Невский, 1934, 106].

Секция привлекла к своей работе некоторых ленинградских и московских историков религии, этнографов, археологов и архивистов, в том числе, профессора В.Г. Богораз-Тана, астронома, профессора Н.П. Каменщикова, антрополога Б.Н. Вишневого и др. Благодаря наличию в Ленинграде такого серьёзного научного актива, стало возможным приступить к созданию Всесоюзной передвижной антирелигиозной выставки. Она была открыта 16 апреля 1930 года в Зимнем дворце и устроена в большей своей части на основе подлинников, взятых из коллекций Музея антропологии и этнологии и Эрмитажа.

Для составления религиозно-бытовых карт по районам, в конкретные национальные республики были отправлены «корреспонденты» из числа научных работников. В 1931 г., например, было осуществлено 19 экспедиций, в которых участвовали в общей сложности 56 человек, обследовавших 34 района, в том числе 19 национальных. К 1934 г. в рамках маторинской секции было подготовлено и заслушано 28 докладов и сообщений. Был собран богатый материал, иллюстрировавший новую тактику религиозных организаций, главным образом сектантов, были записаны суеверия, праздничные обычаи, священнодействия служителей культа. По ряду областей (Ленинградская область, Карелия, Чувашия, Северный край, Грузия и др.) были составлены религиозно-бытовые карты, которые послужили основанием для экспозиционной деятельности музеев, в первую очередь, Центрального антирелигиозного музея (ЦАМа) [Невский, 1934, 107]. В ходе антирелигиозных экспедиций использовались такие методы работы, как: непосредственное наблюдение; беседы с колхозниками и с представителями партийных, комсомольских организаций; изучение официальных документов, соответствующей исторической, этнографической и географической литературы.

До декабря 1934 г. именно Маторин являлся в Ленинграде главным организатором и вдохновителем исследований в области религии, удачно сочетая педагогическую, музейную, научно-исследовательскую и пропагандистскую деятельность. Помимо системного подхода к изучению религии и принципа районирования религиозных верований, Маторин настаивал на планомерном изучении *современной* природы религиозности. По его мнению, необходимо изучить сам процесс изменения связей между идеологией и производством – «от крестного знамени охотника в дремучем северном лесу до сооружения креста на тракторе в коммуне» [Маторин, 1934, 30]. В 1934 г. Н.М. Маторин говорит также о необходимости создания много-томного труда по истории религии, а в перспективе – о составлении мирового атласа религий на основе религиозно-бытовых карт [Маторин, 1934, 33].

К сожалению, материалы, собранные в рамках проекта «карта религий СССР», оказались далее не востребованными и не осмысленными в должной степени, поскольку они не соответствовали «генеральной линии» партии. Процент верующих среди населения в различных областях Союза оказался больше, чем процент неверующих [Брандт, 1931]. В протоколах заседаний научной группы Маторина, действовавшей в Музее истории религии в 1930-е гг., этнографы постоянно отмечали факты сохранения и воспроизводства религиозности в различных районах СССР. Например, в своём докладе о состоянии религиозных верований в Северном крае (1933) в рамках заседания секции, этнограф Н.А. Михин сообщал, что верующих в колхозах – 57%, среди единоличников – 92%, в три раза увеличилось «штаты» церковников, среди учащихся совершаются моления, появились домашние часовни [Шахнович, Чумакова, 2016, 144–145; 150]. Данные регионального отделения Союза безбожников свидетельствовали, что, к примеру, в некоторых глухих уральских деревнях переписчики встретили неожиданное сопротивление со стороны сектантов. Отмечалось, в частности, что в с. Воскресенском Челябинского округа «ученики христовы», разорвали регистрационные карточки, наградили переписчиков эпитетами «антихристов», и не дали никаких сведений переписчикам [По союзам безбожников, 1927, 47]. Из-за массового характера подобных «фактов», отмечаемых на «местах» составления (анти)религиозных карт, материалы переписи 1937 г. были признаны недействительными, а разработчики переписи были репрессированы.

Научная группа Н.М. Маторина по изучению религий СССР и проблема визуализации религиозных групп

Собственно, уже с избранием Н.М. Маторина директором МАЭ РАН начинается активная работа в области визуализации знаний о народах СССР и их религиозном мировоззрении – осуществляется масштабная антирелигиозная музейно-выставочная деятельность. Маторин отмечал, что нельзя сводить всю антирелигиозную работу только к музейной. Необходимо как можно шире использовать визуальные средства (рисунки, чертежи, схемы, фото и киноматериалы) в процессах фиксации и популяризации знания о религиях в СССР.

Маторин призывал создавать в музеях «особые щиты, уголки, в которых на первом месте должна отражаться классовая сторона религии» [Маторин, 1931, 63]. В том числе, предполагалось создать щит с фотографиями, показывающим процесс трансформации церквей в столовые, детские сады, мельницы, кинотеатры и пр. Акцент в экспонировании предлагалось сделать и на агитационных сюжетах. Отстаивая концепцию развития музея нового типа, Маторин предлагал обращать внимание на визуализацию как методологический приём и использовать его, в том числе, в отношении ленинградского Музея истории религии. Основоположник этого музея В.Г. Богораз, к этому времени уже известный учёный-северовед, также видел цель функционирования антирелигиозного музея в сочетании научных разработок (на основе марксистского подхода, учения об общественно-экономических формациях) и грамотного художественного оформления.

Очевидно, что Маторин был знаком с имевшимися отечественными практиками в сфере визуальной этнографии, в частности, с концепцией «живого музея», предполагавшей превращение музеев из «кунсткамер» в «музеи, предназначенные для широкой культурной работы». Эта концепция во второй половине 1920-х гг. была предложена театральным деятелем, создателем первого профессионального

фольклорно-этнографического театра В.Н. Всеволодским-Гернгроссом [Пушкарев, 2010, 341]. В течение двух лет под руководством Всеволодского-Гернгросса в Русском музее действовали различные коллективы национально-самодеятельного искусства, которые показывали посетителям многонациональную культуру СССР.

Интересно, что в это же время схожие идеи воплощал в своей деятельности и директор Центрального музея народоведения (ЦМН) Б.М. Соколов. По его словам, этнографические музеи должны превратиться из немых собраний в «говорящие», а для этого необходимо широко использовать все новые приёмы: диаграммы, картины, рисунки, схемы, фотографии и т.д. [Резолюция по докладам Б.М. Соколова, 1929, 138]. Помимо этнографических исследований и сбора коллекций, Б.М. Соколов во второй половине 1920-х создавал базу кинофотодокументов в музее. Согласно замыслу Б.М. Соколова, музей должен быть «живым», должен отражать происходящие в жизни изменения, а для собирания и воспроизведения материалов использовать технические достижения своего времени [Головнев, 2021, 110–111].

Характерно, что Н.М. Маторина, как и В.Г. Богораза, интересовали «живые религии», представлявшие собой симбиоз старых и новых религиозных форм. Во время заседаний научной группы по изучению религий в СССР под руководством Н.М. Маторина постоянно звучали требования о необходимости расширения картографического метода и использования визуальных материалов для изучения религий.

Прежде всего, сам Н.М. Маторин настаивал на развитии метода картографии в изучении религиозной ситуации в Ленинградской области, Северном Кавказе, Центрально-Чернозёмном районе и Поволжье. Московские этнографы и исследователи-краеведы «на местах» должны были заниматься составлением похожих карт в Западной, Московской, Ивановской областях, Белоруссии и Украине. Н.М. Маторин считал, что цель большой научной антирелигиозной работы – изучение вопросов «религиозного синкретизма» в Восточной Европе и Азии, в последующем – Западной Европе. В этом может помочь составление карт распространения тех или иных верований, карт отдельных специфических культов, карт «святых».

Так, в 1933 г. на заседании группы по изучению бытового православия Н.М. Маторин сообщил о ходе своего исследования юрловских и отмечал необходимость их фото-воспроизведения. В этом же году секретарь маторинской группы А.А. Невский говорил о необходимости фотографирования Доложских ключей (Псковская обл.). Участник маторинской группы А.И. Васильев, докладывая о религиозных пережитках в Солецком и Псковском районах, упоминал о кинодокументировании Ивановской часовни около деревни Егольник [Шахнович, Чумакова, 2016, 94, 114, 116]. В программе для изучения «православного язычества», подготовленной совместно Н.М. Маториным и А.А. Невским, говорилось также о крайней важности «фотографирования жертвоприношений, часовен, источников, камней, пещер и пр., составлении чертежей старых мольбищ и других святых мест» [Маторин, 1934, 33].

В ходе заседаний группы Маторина упоминалось и о необходимости использования киноматериалов в научной и антирелигиозной работе как эффективной практической методике запечатления «живых религий». По заранее составленным программам исследования религиозности в СССР, в разных районах страны собирались текстовые и визуальные документы о деятельности религиозных организаций, в том числе сектантских, и о состоянии антирелигиозной пропаганды в целом. Маторин настаивал на том, что научные работники должны в обязательном порядке научиться не только фотографии, но и киноискусству [Маторин, 1934].

В частности, экспедиция к сектантам в Нижневолжский край летом 1930 года, которую курировали заведующий кафедрой истории религии ЛГУ Н.М. Маторин и его заместитель, доцент ЛГУ А.М. Покровский, проводила фотофиксацию сект, а в отряде находился режиссёр Анатолий Терской, который снимал документальный фильм о жизни сектантских общин [Головнев, Головнева, 2022]. В 1930 г. Увидел свет ещё один кинофильм о сектантах, созданный профессиональными кинематографистами В. Королевичем и Г. Троянским, и получивший высокие оценки в печати со стороны пропагандистов и научных работников («Сектанты», 1930, Совкино).

Научная работа по визуализации религиозных групп позволила подготовить хроникальные киноматериалы, содержащие этнографические зарисовки, которые могли быть использованы при создании документальных и художественных картин антирелигиозного содержания. Центральный Совет СББ в 1932 г. рекомендовал Союзкино выпустить на национальном материале не менее 10 антирелигиозных картин, особое же внимание уделить созданию антисектантских фильмов. В целом, к 1932 г. были выпущены следующие антирелигиозные фильмы, в которых разоблачался «вред» конкретной религии: *ислам* – «Айна», «Гость из Мекки», «Гюлли», «Дочь святого», «Джальма», «Земля жаждет», «Закон гор», «Именем бога», «Из-под сводов мечети», «Комета», «Намус», «Под властью адата», «Третья жена муллы», «Угубзиара», «Чадра», «Именем бога»; *ламаизм* – «Потомок Чингиз-хана», «Разбитые боги»; *шаманизм* – «Игденбу», «Каан-Керадэ»; *иудаизм* – «Бунт бабушек», «Его превосходительство», *католичество* – «Вор», «Голубой экспресс», «Овод», «Праздник св. Иоргена». Эти картины, по задумке антирелигиозников, не только давали наглядное визуальное объяснение «эксплуататорской» сущности религиозных вероучений, но также, обладая серьёзной эмоциональной силой, перерабатывали, изменяли общественное сознание.

Заключение

Как видно из проведённого исследования, в 1920-х и начале 1930-х гг. в Советском Союзе активно обсуждалась проблема визуализации религии. С одной стороны, к ней обращались научные работники (религиоведы и этнографы), с другой стороны – кинематографическое сообщество. Эти обсуждения проходили в контексте разработки методов «визуальной политики» в отношении изучения религиозных групп в СССР.

Деятельность научной группы по изучению религии под руководством Н.М. Маторина показывает, что в 1920–1930-х гг. отечественными историками религии, этнографами и фольклористами разрабатывалась стратегическая инициатива не только комплексного и сравнительного изучения религий в СССР, их подробного картографирования («карта религий СССР»), но и методологические вопросы визуализации «живых религий», распространения визуальных репрезентаций в музейной и выставочной деятельности, театральных постановках и печати. В союзе с кинематографистами учёными осуществлялись этнографические экспедиции, происходил активный обмен опытом, проводились научно-теоретические поиски в сфере производства и популяризации знания о положении религиозных групп.

Период активного обсуждения методологических вопросов визуализации религии в отечественной науке продолжался недолго. К середине 1930-х гг. нарастает разрыв между разработкой научной методологии изучения религии и атеистической коммунистической программой, происходит политизация и в сфере науки, и в сфере кинематографа, что ведёт к значительному сокращению горизонта методологических подходов. Данная ситуация к середине 1930-х гг., с одной стороны, привела к массовым репрессиям учёных и кинематографистов, работавших с религиозной тематикой, с другой, – обеспечила в конечном итоге превалирование антирелигиозного агитпропа как единственно верной стратегии визуализации религиозных групп в РСФСР.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РНФ, проект № 25-28-00277.

Acknowledgement

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) as a part of the project № 25-28-00277.

Библиографический список

1. Брандт, Л. Антирелигиозная работа Ленинградской совпартшколы национальных меньшинств / Л. Брандт // Антирелигиозник. – 1931. – № 8. – С. 48–50.

2. Головнев, И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.) / И.А. Головнев. – СПб.: МАЭ РАН, 2021. – 439 с.
3. Головнева, Е.В. Антирелигиозный фильм Анатолия Терского «У сектантов» (1930) / Е.В. Головнева, И.А. Головнев // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 147–156.
4. Маторин, Н. Всероссийский музейный съезд и антирелигиозная работа / Н. Маторин // Антирелигиозник. – 1931. – № 2. – С. 62–64.
5. Маторин, Н. Об изучении религиозных верований народов СССР / Н. Маторин // Антирелигиозник. – 1934. – № 5. – С. 28–33.
6. Невский, А.А. Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии Академии Наук / А.А. Невский // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 106–107.
7. По союзам безбожников. Хроника // Антирелигиозник. – 1927. – № 3. – С. 47.
8. Пушкарев, В.Г. «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) / В.Г. Пушкарев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 339–344.
9. Резолюция по докладам Б.М. Соколова и Б.Г. Крыжановского // Этнография. – 1929. – № 2. – С. 138–139.
10. Чумакова, Т.В. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения / Т.В. Чумакова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 106–133.
11. Шахнович, М.М. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова. – СПб.: Наука, 2016. – 367 с.

Текст поступил в редакцию 09.01.2025.

Принят к печати 07.02.2025.

Опубликован 30.09.2025.

References

1. *Antireligioznik* [Anti-religious]. 1927, no. 3, p. 47 (in Russian).
2. Brandt L. *Antireligioznik* [Anti-religious]. 1931, no. 8, pp. 48–50 (in Russian).
3. Chumakova T.V. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and abroad]. 2012, no. 3–4 (30), pp. 106–133 (in Russian).
4. Golovnev I.A. *Vizualizacija jetnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenyh i kinematografistov 1920–1930-h gg.)* [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiments of Scientists and Filmmakers of the 1920s–1930s)]. St. Petersburg: MAE RAN, 2021. 439 p. (In Russian).
5. Golovneva E.V., Golovnev I.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 1, pp. 147–156 (in Russian).
6. *Jetnografija* [Ethnography]. 1929, no. 2, pp. 138–139 (in Russian).
7. Matorin N. *Antireligioznik* [Anti-religious]. 1931, no. 2, pp. 62–64 (in Russian).
8. Matorin N. *Antireligioznik* [Anti-religious]. 1934, no. 5, pp. 28–33 (in Russian).
9. Nevskij A.A. *Sovetskaja Etnografija* [Soviet Ethnography]. 1934, no. 3, pp. 106–107 (in Russian).
10. Pushkarev V.G. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2010, no. 120, pp. 339–344 (in Russian).
11. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologija i nauka: Izučenie religii v jepohu kul'turnoj revoljucii v SSSR* [Ideology and Science: The Study of Religion in the Era of the Cultural Revolution in the USSR]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016, 367 p. (In Russian).

Submitted for publication: January 09, 2025.

Accepted for publication: February 07, 2025.

Published: September 30, 2025.